

«...С поднесением нам Евангелия и креста Господня»

*...Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? - вот вопрос.*

Александр Сергеевич Пушкин

*...Мы чуем Свет - уж близко Время -
Последний сокрушён оплот -
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один Народ -*

*Воспрянь - не Польша, не Россия -
Воспрянь, Славянская Семья!
И отряхнувши сон, впервые
Промолви слово: «Это я!»...*

Фёдор Иванович Тютчев

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! -
Славянский мир, сомкнись тесней...*

*«Единство, - возвестил оракул наших дней, -
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, -
А там увидим, что прочней...»*

Фёдор Иванович Тютчев

«Русское море, славянские ручьи, спаять любовью...» - всё это не одно столетие волнует славянские народы. Пушкин, Тютчев, Достоевский... политики разных эпох - многие писали на эту тему, стараясь разрешить её. И вот сегодня 21-й век. И отголосок этой проблемы неожиданно вернулся к нам из века двадцатого.

Третий год мы пытаемся помочь жителям села Пермаса Вологодской области Никольского района возродить храм в честь праздника Крестовоздвиженья, построенный сто два года назад. Рядом с храмом, расположенным за рекой Юг, находится старинное кладбище, на котором покоятся наши бабушка и прадеды. Дальше лес. Отец наш, выдающийся русский поэт, прозаик - Александр Яшин (1914-1968) по его завещанию похоронен в десяти километрах от Пермаса, рядом со своей деревней: место называется Бобришный Угор. Здесь он построил себе небольшой охотничий домик: «Бобришным Угором я сейчас на-

зываю не только облюбванное место в лесу над рекой, где теперь стоит мой охотничий дом, но уже и деревню Блудново, в которой я родился, и район, и город, где началась моя сознательная жизнь, и вообще Родину. Вся Родина моя - Бобришный Угор. Поэзия - тоже он. Завершение моей жизни на Бобришном Угоре» - так писал он в дневнике. Несли его туда на руках, на расшитых полотенцах все собравшиеся окольные деревни два километра по лесу, ржи, лесом, на высокий берег Юг-реки, где поэт хотел жить в уединении и работать как нигде и никогда. Вологодский архиепископ Максимилиан так и называет это поправившееся ему место редкой красоты: пустынькой.

В Пермасском храме Александр Яшин¹ был крещён. В этом храме его прадед по мужской линии Михаил Ефимович Попов занимал выборную должность председателя Церковно-Приходского Совета, а дед - Михаил Михайлович Попов был представителем прихожан в церковном попечительстве.

¹ Яшин - это литературное имя поэта, прозаика Александра Яшина - псевдоним по имени рано погибшего на войне отца - Якова. Мать будущего поэта в деревне до конца звали по имени мужа: Дуня Яшиха. В паспорте оставлены обе фамилии: Попов-Яшин Александр Яковлевич.

Пермасская церковь видна со всех точек села, расположенного на двух берегах реки Юг через которую жители и школьники переходят по деревянному висячему мосту.

Как водится в советское время после закрытия храма - там был клуб. «Но храм оставленный - всё храм...» В этом районе во всё время советской власти не было действующих храмов. Редко кто ездил в Великий Устюг причаститься - это более двухсот километров от города Никольска. А от Пермаса ещё дальше. Молились, как жители говорили, могильным крестам. Собирались по избам на молитвы. Бабушки крестили детей. Пролитывали молитвы свои ко Господу... Но почти ушло то поколение, которое ещё знало действующую церковь. В 90-е годы я привезла с собой крещенской воды, чтобы окропить могилу отца и тётя наша попросила: «Мне-то оставь немного воды, а то у меня ещё довоенная». Сколько же лет она её развлекала...

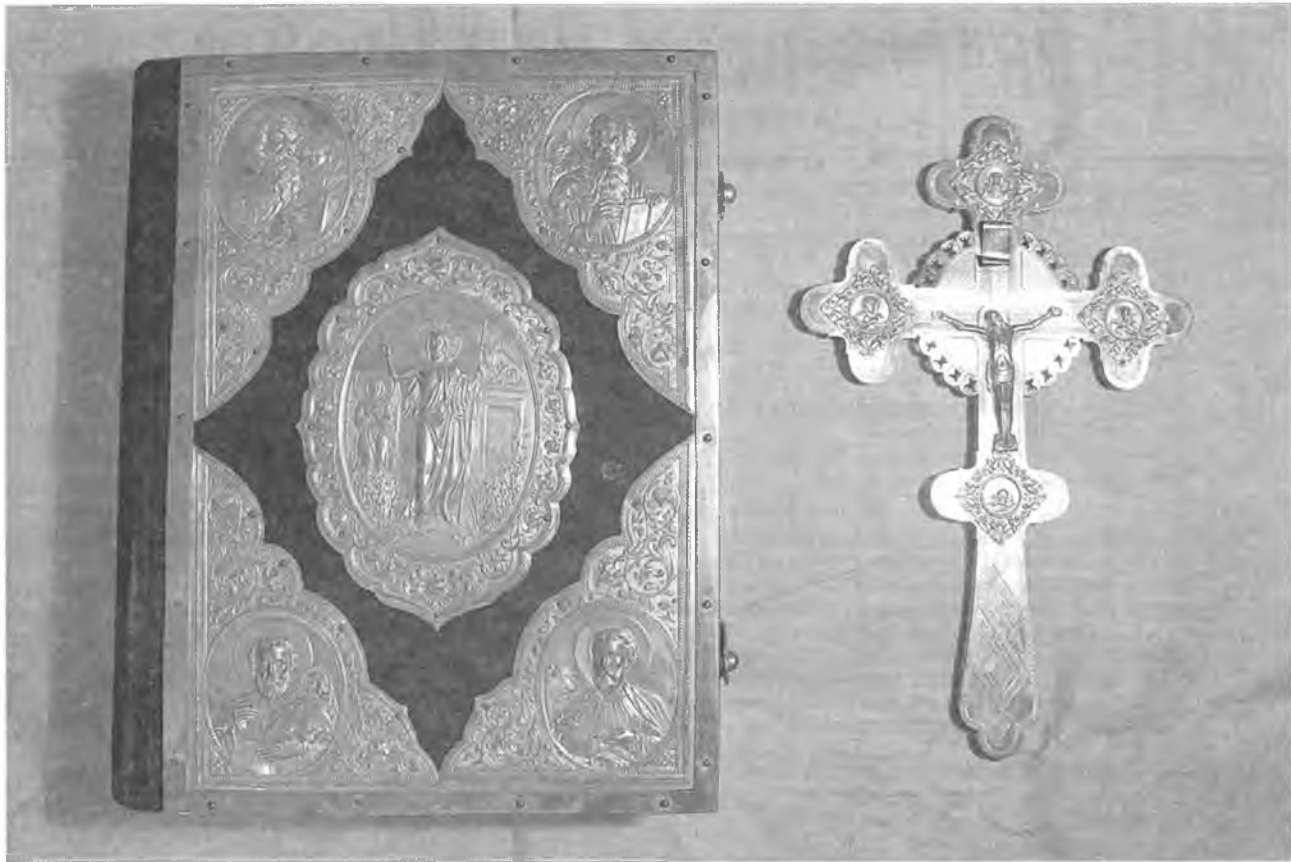
Может, поэтому отец, хотя он и был членом партии, писал такие строчки, остававшиеся в его стихотворных тетрадах:

*Давно обходимся без Бога:
Чего просить?
О чём молить?
Но в сердце веры хоть немного,
Наверно, надо б сохранить.*

И ещё: «Отлучили от церкви, от Бога не отлучить...»

Поэт обращался к Божьей Матери в своём стихотворении-молитве в те далёкие теперь годы, сердцем чувствуя в трудных переживаниях, что Она есть и что только Она может помочь его душе:

*Матерь Божья, не обессудь,
По церквам я Тебя не славлю,
И теперь, взмолившись,
Ничуть
Не юродствую, не лукавлю.
(...)
Дай мне выбиться из тупика,*

Напрестольное Евангелие и Крест, преподнесённые Евгению Амвросиевичу Ефимовскому Болгарским Синодом

*Из распутья, из бездорожья...
Раз никто не помог пока,
Помоги хоть Ты,
Матерь Божья.*

Вот в подобном тупике находятся и многие жители русских сёл и деревень, правильнее будет сказать: остатки их. В тупике многопричинном, многообразном, но главное - духовном.

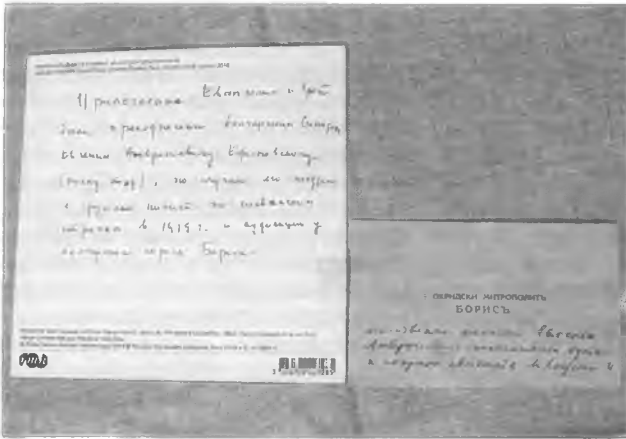
Начали восстанавливать храм учителя вместе с другими жителями, понимая, что если в школу будешь ходить раз в год, то ничему не научишься. Так же и с храмом: за тридцать километров не наездишься... За первое лето - год столетия храма, сделали своими силами много, что смогли: разобрали перекрытие, делившее пространство церкви на два этажа; остеклили рамы красивых окон, сделали дверь, заново построили крыльцо. Но дальше, понимая, что самим не справиться с таким объёмом работ, приуныли. Доход от полустарушечьего прихода почти никакой. Люди живут трудно. Многие

не имеют работы. Поля давно не засеяны... Но «малое стадо» - человеческое - есть. Все, как говорится, верующие в душе. Все с крестиками, почти во всех домах есть иконы. Но все отучены от храма - время своё дело делает. В душе - все хотят, чтобы храм был, все почитают Бога, как понимают. В магазине висит копилка, куда взрослые и дети опускают копейки. Но этого, конечно, недостаточно. Да и приходом особенно не назовёшь этот приход, так как больше года никак не получается оформить бумаги, чтобы сделать храм приписным к районному храму Казанской Божьей Матери, который ожил в начале 90-х годов. Он находится в 30 км от села Пермаса. Как только решили возродить храм, священник оттуда несколько раз приезжал. Два раза на храмовый праздник на молебен. Один раз на молебен на Пасху - но это всё считанные минуты. И приезжал летом 2011-го года - крестил 15 человек. А как дальше: воцерковление!? Службы?

Почти всё самое важное из церковной утвари закуплено. Помогает нашему храму и московский магазин «Православное слово» на Пятницкой. У моей сестры, Златы Александровны Поповой-Яшиной на работе в Институте им. Склифосовского стоит кружка, куда её коллеги: медсёстры, фельдшера, врачи кладут понемногу свою лепту на этот незнакомый им далёкий храм в вологодской глубинке.

Собирали мы и по всем своим московским знакомым, кто сколько мог давал. Одна наша знакомая, с которой я познакомилась случайно в магазине «Православная книга» несколько раз очень приличные суммы давала. Но уже больше неудобно приставать - знакомых олигархов у нас нет, всё обычные служащие - работяги. Все кто сколько мог дать - дали, отрывая от себя. А на улицу с рукой тоже боимся выйти... Говорят - могут убить - там все сферы сбора милостыни поделены...

Но Господь заботится и о нашем храме необычным об-

Послание Ольги Евгеньевны Ефимовской и начало записки митрополита Охридского Бориса

Открытка и записка митрополита Бориса на оборотной стороне визитки

разом, сделав его сопричастным удивительному и важному событию: возвращению в Россию особого Евангелия. Помимо денег мы собирали в Москве что могли: кто ковёр принесёт, кто вазу, кто книги, кто иконки, подсвечник... Звонит как-то наша близкая знакомая из Парижа Ольга Евгеньевна Ефимовская - она дочь эмигрантов первой волны: известных в своё время журналиста и певицы: Евгения и Зои Ефимовских. Сама же Ольга Евгеньевна родилась уже там, за границей в 1924-м году. Но говорит по-русски великолепно, свободно, как на своём родном языке. И всегда её тянет в Россию и интересуется всё, что здесь происходит. Когда она к нам приехала в первый раз в конце восьмидесятых годов двадцатого века, то главное, что увезла из России в пакетике, - была обычная наша русская земля и церковная для отпевания. В Париже, рассказала она, эту землю они разделили среди русских знакомых, таких же, как она, попавших туда после революции 1917 года. И когда кто умирает, русскую землю кладут ему в гроб - частицу его родовой Родины - России.

Так вот, разговор по телефону был таким: Ольга Евгеньевна рассказывает, как наш брат Миша, у которого она до сих пор берёт уроки музыки, убирается у себя в комнате после переезда. Он, женившись, уже более тридцати лет живёт в Париже, преподаёт в консерватории. «Вы же знаете, как Миша не любит беспоряд-

ка!» - говорит она. На что я ей отвечаю: «Ольга Евгеньевна, вы бы видели, что у меня творится в комнате: рулоны ковров, подсвечник, вазы, водосвятная чаша, коробки с книгами... завалено всё.» - «Ах, а зачем вам всё это?» - вдруг удивилась Ольга Евгеньевна. Ей уже далеко за восемьдесят лет, память у неё прекрасная, но она как-то не то забыла, не то не обращала внимания, что я в каждом телефонном разговоре рассказывала ей, что мы ещё смогли собрать или приобрести для нашего храма. А тут вдруг она воскликнула: «Ой, я вспомнила: у меня ведь есть Напрестольное Евангелие и Крест. Их подарил моему папе Болгарский Синод в Софии после аудиенции у болгарского царя в 1919 году! Надо его достать. Оно лежит в сундуке глубоко. Мне не достать, надо Мишу попросить.» - «Так давайте его сюда. Отлично. Узнаю, когда отец Георгий поедет к своим родственникам, и попрошу привезти, если пропустят.» - «Да, да, надо достать. Я давно хотела, чтобы оно было в России. Очень рада, что оно у вас будет. От нас, конечно, в таможене пропустят. Тем более священника. Это от вас сложно...».

Мы обрадовались, что Евангелие, видимо, нам не надо будет приобретать.

О. Георгий улетел 29 августа и возвратился в пять утра 20 сентября. В этот же день рано утром я отправилась за Евангелием, которое с нетерпением поджидала, так как на 22-е взяла билет до станции Шарья, а оттуда и в Пермас

автобусом или машиной, как выйдет. Всё рассчитала, чтобы привезти в возрождающуюся церковь на её храмовый праздник - 27 сентября, Евангелие, наконец-то вернувшееся в Россию.

Когда я ехала на маршрутке от станции метро «Выхино» в Люберцы, то смотрела из окна на многокилометровую «пробку» в сторону Москвы. «Ну, - думаю с грустью, - хорошо, если к вечеру смогу вернуться».

...Отец Георгий открыл пакет, достал старую коробку почти столетней давности, достал из вороха мягкой белой бумаги Евангелие в обложке тёмно-красного бархата с металлической резьбой, барельефами Спасителя и четырёх Евангелистов. И развернул его. Оно было в стопроцентной сохранности, практически новое. Перед каждым Евангелием - цветная гравюра каждого Евангелиста. Шрифт замечательный. У всех, кто находился в комнате, невольно возникло благоговение перед ним. Издание 1904 года. Обрез такой, словно его только что позолотили. В конверте была открытка-записка Ольги Евгеньевны Ефимовской, которая и передавала нам это Евангелие: «Прилагаемое Евангелие и Крест были преподнесены болгарским Синодом Евгению Амвросиевичу (моему отцу), по случаю его поездки с русской миссией по славянским странам в 1919 г. и аудиенции у болгарского короля Бориса». К этой записке прикреплена другая, сильно пожелтевшая с таким текстом:

*« + ОХРИДСКИ
МИТРОПОЛИТЬ БОРИСЪ
молитвенно желает
Евгению Амвросиевичу
счастливого пути
и скорого свиданія в Софии
и почтительнѣйше проситъ
передать братскій привѣтъ
преосвещѣннымъ Архіереям
Досифею, Сергію
и Николаю (Велемировичу)
и всѣм прочим».*

Какие имена, какой круг священства и среди них святой Николай Сербский. Прямо дух захватывает.

- Я счастлив, что держал это Евангелие в руках. А какое счастье служить по нему! Оно как раз неамоленное, - говорил отец Георгий, снова заворачивая его обратно и помещая в старую коробку.

- Да, - добавил он, - тебя же сможет довести матушка Мария. Она едет как раз в Новокузнецкий переулочек, почти до твоего дома.

Отец Георгий донёс какие-то пакеты, которые он привёз для матушки Марии, до роскошной чёрной машины и объяснил шофёру, как объехать эту длинную пробку. Матушка Мария - жена протоиерея Виктора Потапова, настоятеля Свято-Иоанно-Предтеченского собора города Вашингтона. Позже я узнала, что отец Виктор является членом Попечительского фонда о нуждах Русской Православной Церкви Заграницей. Матушка Мария русская, но родилась во Франции - родители эмигрировали после революции. И была она дальней родственницей отца Георгия из той первой волны эмиграции, когда могли уничтожить только за благородную царского рода фамилию, идущую от Рюриковичей. Отец Георгий тоже по матери родом из тех старинных русских фамилий, которые вынуждены были, чтобы не погибнуть, разбредиться по всему свету, но его бабушка осталась в России. Теперь, когда открылись границы, он навещает из России своих дальних родственников, обьявившихся по всей земле.

Вопреки моим опасениям доехали мы благодаря под- сказке отца Георгия очень

быстро, почти мгновенно, нигде не задерживаясь, да ещё за приятным знакомством и разговорами. Высадили меня действительно почти у дома, ещё ближе, чем планировали - на Ордынке, у храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». «Это будто длетела обратно». «Это меня Евангелие везёт, - подумала я, - словно у меня в руках была чудотворная икона». По дороге я думала, как везти такое драгоценное Евангелие в далёкий лесной храм?.. И решила сразу же показать настоятелю храма, расположенного около нашего дома, - художнику. Он скажет, увозить или нет. «Категорически нельзя увозить его из Москвы. Это исторический раритет. Давайте вы оставите нам его на хранение», - предложил он. Я отказалась. Тогда он предложил нам некоторую сумму денег: «На крышу!» . «Конечно, соблазнительно - крыша наша ждёт замены срочно. И под куполом окно пробито молнией - даже птицы влетают. Но половина этих не таких уж больших предложенных денег уйдёт на покупку другого Евангелия», - сообщила я, сказав, что подумаю.

Дома я нашла книгу воспоминаний Евгения Амвросиевича Ефимовского, изданную в Париже его дочерью, Ольгой Евгеньевной Ефимовской - по-нашему Ёлочкой: «Встречи на жизненном пути». Это был очень известный журналист в своё время, как писали о нём в статьях после его смерти в 1964 году: «...последний крупный политический деятель старой формации, всю свою жизнь посвятивший службе общественности, Престолу и Родине». Называя его конституционным монархистом, те, кто вспоминает его бурную деятельность как издателя «Грядущей России», основателя «Народно-Монархического Союза», великолепного оратора, находившего отклик в сердцах многих людей, отмечают, в частности, близость многих его позиций с И.Л. Солоневичем.

Среди различных откликов на его кончину приведём такой: «За свою долгую, разнообразную и красочную жизнь

он принял участие в больших русских и славянских духовных движениях и сквозь все испытания пронёс свою святую, никогда не опускающую знаменитую Российскую Империю». Это был человек, который, живя далеко за пределами родины, носил в себе любовь к ней и верность: «Россия не умерла, она жива, она живёт в наших сердцах!» - так он восклицал, воодушевляя огромное количество своих слушателей.

Знакомлюсь дальше с его статьями и воспоминаниями, и воскресают события почти столетней давности, такие важные и для сегодняшнего нашего неустойчивого дня. Стало понятным, что это Евангелие - реликвия важнейших событий двадцатых годов XX века, последней попытки воссоединить хотя бы духовно славянские народы, помочь спасению России в её переломном моменте.

Из книги Е. А. Ефимовского «Встречи на жизненном пути»:

«(...) Объективно говоря, это был уже не «отход», а «уход» организованных российских политических организаций. Вопрос лишь был: куда идти и к кому обратиться за помощью. Организованной русской военной силы ещё не было, искать её можно было только в иностранных, враждебных Германии кругах.

Ими были в Европе Франция и Англия (Америка была далеко). В наших мечтах были «свободные» братские славянские государства.

Невольно возник вопрос: как отнеслись славянские братья к нашей борьбе? Почему они не пришли на помощь истекающей кровью Добровольческой армии?

Читатели моих воспоминаний, быть может, вспомнят массовые общеславянские организации предвоенного времени и не удивятся нашей попытке обращения к братьям славянам.

Эта идея повела к собранию всех славянских и дружественных им организаций. На собрании было решено создание единой общеславянской организации, с включением в неё всех славянских организаций и с поручением ей пред-

ставительства всего общеславянского движения в России. Почётное возглавление нашего центрального объединения было возложено на бывшего председателя Государственной Думы П.А. Хомякова, а активное, ввиду разезда или отказа более старших участников организации - на генерально-го секретаря Общества Славянской Культуры в Москве и Московского Славянского комитета - Е.А. Ефимовского с присвоением ему звания Председателя созданной объединённой общеславянской организации².

Нашим первым началом было решение приступить к организации политической поездки в славянские земли, придавая ей общеславянский характер. Это требовало соглашения с командованием уже создавшейся Добровольческой армии. С целью этого достижения наш президиум выехал в Екатеринодар.

Там выяснилось, что та же мысль намечена самим командованием в виде посылки официальных дипломатов в лице князя Л.В. Урусова и его помощников Валуево и Урсати.

Отчасти в поисках ответа, отчасти в надежде найти ту или иную поддержку решили создать делегацию российских общественных деятелей с целью принести славянским странам братское поздравление с обретенной ими свободой (это было весной 1919 года).

В состав делегации были выбраны: старейший славянофил - А.А. Башмаков; старейший участник-доброволец Черняевского отряда войны 1877-8 годов - Ф.И. Родичев; один из главных основателей неославизма³ - граф В.А. Бобринский; бывший товарищ министра внутренних дел Е.Г. Моллов; глава российских соколов - А.С. Гижицкий; известный славянофил-народник

² Здесь и далее текст выделен мною - Н.А. Половой-Яшиной

³ О возникновении неославизма - Е.А. так рассказывает в книге «Статьи»: «Резолюция съезда умудрённых опытом политических деятелей, руководимых гр. В.А. Бобринским и В.А. Маклаковым, возвестила: «Ни пяди славянской земли не-славянским государствам; ни один славянский народ, не должен притеснять другой славянский народ, если он находится в составе его государства». Так было положено начало неославизму, ставшему идейной основой защитной позиции для славянства в открывшейся новой главе славяно-германского соперничества».

Крестовоздвиженский храм в Пермесе ждёт, когда же начнутся регулярные богослужения

Д.Н. Вергун; российские дипломаты: князь Л.В. Урусов, Валуев и Урсати и председатель центрального комитета всех сохранившихся славянских организаций в России - автор этих строк.

Формально самостоятельная, делегация находилась в непосредственном контакте с Особым Совещанием при генерале Деникине и пользовалась материальной поддержкой, дававшей возможность осуществлять взятую на себя роль.

Пожелавший меня принять генерал Деникин сказал: «Я знаю и Ваши монархические убеждения и Ваш патриотический пыл, также роль, которую Вы играли в Москве в славянском движении. Я и тому и другому явно сочувствую, но не забывайте, что на нашей ответственности прежде всего национальное российское движение, а затем уже его разновидности. Впрочем, я за Вас спокоен». (...)

Через несколько дней наша делегация выехала на пароходе Добровольческого флота в намеченную командировку. Это было весной 1919 года. Могли ли мы предвидеть, что это было нашим последним пребыванием на родной земле и началом хотя и патриотической, но уже в новых условиях национальной работы».

«(...) Сама по себе поездка по славянским землям давала богатый материал и для славянского фольклора, и для его бытовой стороны, но она требовала бы художественной акварели. Это вне моей власти, да и не входило в число элементов нашей политической работы. Эта последняя оказалась лёгкой и вдохновляющей в Югославии и Болгарии, затруднённой в Чехословакии и неосуществимой в Польше: нам не дали визы. Пусть это была только «гримаса» Пилсудского, но из тех, кои входят в историю русско-польских отношений. В самом деле: затратить столько душевной энергии и сердечной ласки со стороны российской общественности в защиту национальных прав Польши и встретить «закрытую дверь» от принятия братских поздравлений со свободой - это уже вне области славянской иллюзии».

Поездка по Югославии была сплошным триумфом для монархических переживаний основного состава нашей делегации: нас встречали речами, подносили хлеб-соль, устраивали частные собрания и публичные манифестации; сербский гимн чередовался с «Боже, Царя храни» и «Гей-Славяне». Две из них врезались в память: собрание парламентских и общественных деятелей под председательством Скупщины и публичный митинг. На первом, на приветственную речь председателя на тему «Россия и Славяне» ответил от лица общественной России автор этих строк. На митинге генерал-рейднером был блестящий оратор граф В.А. Бобринский. На оголтелый возглас «Довольно с нас Николая кровавого» - при взрыве негодования тысячной толпы наш оратор спокойно спросил: «Не хотите ли Вы сказать, что наш царь пролил слишком много русской крови за освобождение сербского народа?» За время моей политической деятельности я перевидел все виды бушующей толпы, но стихийно-негодующую - я видел впервые: оскорблено было «святое-святых» сербского

народа описываемой мною эпохи.

Но сентиментальная сторона поездки не закрывала её политической стороны. Наши дипломаты вели её в секретных беседах с Югославским Правительством в лице Протича и Пашича. Одна из этих бесед привела к экстра-секретному поручению, данному королём Александром-Регентом члену нашей делегации, русскому болгарину Е.Г. Моллову и автору этих строк: поехать в Болгарию и просить об аудиенции у царя Бориса, во время коей поднять вопрос о «прощении и забвении» со стороны Югославии нанесённой ей кровной обиды участием Болгарии во время мировой войны на стороне Германии.

В Софии нас никто не ждал и не встречал. Моллов был как у себя. Правда, его брат - будущий министр внутренних дел - был наш человек и полностью осветил положение: оно стало подчеркнуто русофильским; неизменно неприятно поражало, что славянофильское настроение подчёркивалось больше всего недавними деятелями германофильства. Но это явление часто встречающееся в политической игре. Визиты шли за визитами, беседы за беседами. Атмосфера явно благоприятствовала. В нашу честь Болгарский Синод устроил торжественное заседание с поднесением нам Евангелия в роскошном издании и креста Господня. На площади перед памятником Царю Освободителю было совершено всенародное молебствие. Лёд был сломан. Моллова и меня пригласили во дворец на аудиенцию к царю Борису.

Он принял нас просто и радушно. В начале беседы дрогнувшим голосом он сказал: «Я рад видеть русских и засвидетельствовать мою искреннюю любовь к России; всё то, что было сделано против неё, было против моего желания, но ведь было сделано, увьи! моим отцом».

Началась беседа о том, что можно и должно сделать для настоящего и будущего. Она перешла на восстановление моральной связи славянства.

Несколько замявшись, царь Борис спросил: «Но как отнесётся к забвению пролитой крови коронованный вождь Югославии?» Момент настал, и Моллов рассказал о секретном поручении югославского короля Александра. Царь Борис не выдержал и разрыдался. Ни слова утешения, ни проявление радостного чувства с нашей стороны были бы неуместны, тем более, что царь Борис поручал нам передать королю Александру благодарность за переданные ему слова. Дальнейшее было, очевидно, уже делом политической и дипломатической техники.

На этой аудиенции наша предварительная славянская миссия заканчивалась; но в истории неославизма вообще и славяно-русской в частности открывалась новая страница - славянского гостеприимства и помощи русской эмиграции».

А в 1921 году была уже основана Русская Зарубежная Церковь.

В село Пермас я, конечно, не отвезла Евангелие и Крест, подаренные во время, видимо, последней русской, общеславянской миссии, попытке объединения всех славян. Евгений Амвросиевич должен был вернуться в Россию, но, как он сам пишет, предвидеть, что они навсегда покидают родину - не могли. И вот это знаменательное Евангелие с Крестом почти через сто лет вернулись в Россию, благодаря нашей маленькой «лесной» церкви в вологодском крае, на самом востоке области. Ведь, если не Пермасский храм, то, может, это Евангелие пролежало бы на дне сундука ещё долго и куда бы оно попало потом неизвестно - в какие руки? Сохранилось бы? Но Господь всё предусматривает и устраивает. Значит, это очень важно было переслать Евангелие обратно в Россию. Хочется думать, что это и внимание Господа к нашему пока ещё очень бедному храму с бедными прихожанами и что он возродится, как, надеемся возродятся и русские сёла и деревни - ПРИХОДЫ с ПРИХОЖАНАМИ. А может, возвращение Святого Евангелия почти через сто лет - ещё

и указание на то, что славянская дружба ещё жива и возродится! Недавно в газете «Радонеж» было опубликовано интервью с единственным Православным Царём в мире - болгарским Царём Симеоном вторым - сыном Болгарского Царя Бориса третьего (1894 - 1943), по распоряжению которого и были преподнесены вернувшиеся в Россию почти через век - Евангелие Крест. А Царь Борис, как известно, был крестником русского Царя Николая второго.

Болгарский синод преподнёс... Болгария всегда для нас была особенна, как и Сербия. Славянство! Сколько русской крови было пролито в защиту этих государств, народов.

У нас дома три Златы. Мама, дочь и дочь-внучка. И однажды икона великомученицы Златы в семье средней Златы с 1 мая по 31 октября 1993 года мироточила: плакала. Когда один священник-болгарин, в Софии летом этого же года, в храме св. Кирилла и Мефодия, где есть придел св. вмч. Златы, попросил показать ему выносную икону - образ св. вмч. Златы Мгленской, ему ответили, что этот образ утрачен - его украли, скорее всего для кощунства - такие случаи у них бывали и они не надеются найти его. Позже украли и второй выносную икону этой святой. И когда сопоставили дату пропажи иконы и начало плача списка с неё, то эти даты совпали. Удивительно, список плакал об утрате первоначального образа. И, когда священник Александр Куликов - наш семейный крестный служил молебен у Златы дома, икона ещё больше начала плакать, слёзы капали прямо из глаз так обильно, что даже ватки подстилали. А написана она была на тоненькой дощечке от детского игрушечного столика иконописцем нашего храма. И списана с другой иконы - неумело срисованной с той, украденной иконы - по клеточкам, в Софийском соборе одним учащимся тогда Ленинградской семинарии по просьбе нашей мамы. Ведь тогда найти икону с таким редким именем было невозможно. У св. Златы празднуются два дня. 26 октября (нов.ст.) 1912 года было яв-

лено чудо в Сербии, когда турки ополчились на город Скопье, где вспыхнуло против турок самое крупное восстание после Русско-турецкой войны, принёсшей Болгарии свободу. И перед сербским войском, защищавшим Сербию, явилась Дева и помогла одержать сербам победу. А 31 октября (нов. ст.) - день преставления св. Златы. Вечером накануне этого дня мироточивую икону наша мама отнесла в храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Ордынке. Она вся была покрыта миром. А на следующий день - Преставления св. Златы мироточение прекратилось.

На Крестовоздвижение в Пермском храме был молебен уже не в первый раз. Летом там и крестилось человек пятнадцать. И уже новые записываются. Но храм и приписным к районному не можем никак оформить - всё из Вологды документы возвращают николюским юристам - не обычное это для них дело... Благочинный сказал (он один раз приезжал из Великого Устюга, когда ещё и перекрытие не было сломано), что благословит служить десять Литургий в год, если храм будет отапливаемым. Как это решить? Тёплый храм сломан, покорёжена вся стена, к которой он примыкал. А этот храм всегда был холодным. Ну проведём трубы, но где же стопля дров припасти и как оплачивать весь год истопника, если за всю зиму в нём практически не будет службы?.. Одна - две службы. Проблем много... В городах помогают восстанавливать и священника дают, а здесь как? Как восстанавливать, как сохранять остатки русских сёл и деревень без помощи, без денег? А без этих бедных селений в этой скудной природе, говоря словами Федора Тютчева, России не поднять. Им бы самим только-только выжить. А тут ещё и храм надо поднять... Правда, поднявшись и он поможет людям окрепнуть. Что-то старается делать только глава администрации Татьяна Анатольевна Михеева и Юрий Николаевич Шапкин. Люди разобщены, боятся и приближаться - начали-то за здоровье, а те-

перь видят, что дело-то гораздо трудней... Сначала и о колокольне размечтались... Без церкви и от Бога можно совсем отлучить...

Я рассказала перед молебном отцу Александру, приехавшему из районного города Никольска, настоятелю Казанского собора, вкратце историю с Евангелием, которое оказалось раритетом. Отец Александр всё выслушал, а потом уже после молебна, быстро подошел ко мне и сказал: «А вы подарите Патриарху! Тем более, что сейчас вышел новый закон, что если в храме нет сигнализации, то нельзя держать старинные иконы и такие ценные вещи. Из-за участившихся краж». От слова «подарить» у меня всё возликовало в душе, но реальность перебила всё. «Да меня и не допустят к Патриарху, может, к его секретарю какому-нибудь... Да его окружение и не доведёт до него... «Закопайте» куда-нибудь, забудут, не оценят... Он и не узнает. И никакой, даже маленькой помощи мы и не получим. Скажут: оставьте, мы посмотрим, а потом скажут: а кто вы такая? Какое Евангелие?.. Тут хоть на крышу предлагали...» - «Ну и пусть не помогут, а Бог-то?» - уверенно сказал батюшка. И мне стало весело в тот момент: дарить всегда выше, чем продавать, хотя нам так нужны средства на храм. Да даже на то, чтобы купить Евангелие вместо этого. Но, может, батюшка и прав. С другой стороны, может, Господь и послал нам это Евангелие, чтобы и передать Его в верные, понимающие Его истинное значение, руки. Господи, вразуми!

Недавно мне сообщили, что в Вологде выделили на ремонт Никольского бывшего педтехникума к предстоя-

щему празднованию столетия со дня рождения Александра Яшина более двенадцати миллионов рублей. Учительница из Пермаса выступила на оргкомитете с предложением помощи о восстановлении церкви в Пермасе, но её никто не поддержал. Сколько раз собирала по рабочим местам Никольская администрация деньги на восстановление Средненского собора ещё в девяностые годы прошлого столетия. И мама наша специально прислала свою пенсию для этого. Куда всё делось? Главное, что ничего не было предпринято - равнодушие... И собор неухоженный, не охраняемый сгорел на глазах отдела культуры, окна которого выходят прямо на собор. Расходы теперь на него приходится нести вхолостую: как день города - ярмарка, надо покупать краску и закрашивать забитые фанерой окна обезглавленного храма-мученика. Но скоро и это прекратится, так как жители города обнаружили в стене его со стороны реки страшные капитальные трещины. Зато теперь на дисках о Никольске, на тарелочках, везде, где можно, как визитную карточку города, помещают фотографии прежнего Собора с главками, правда без Креста, но с весёлыми целыми окнами, внутри целого, с перекрытиями... Жалко! Но ведь неопровержимый факт, что самые красивые здания в русских городах и сёлах и самые необходимые, - это храмы, они держат всё внешнее пространство окружающего нас мира и главное - внутреннее нас самих, нашей жизни. Надо восстановить церковь в Пермасе. Господь поможет нам! А может, и ещё кто-то сможет помочь?!

*Наталья Александровна
Попова-Яшина, 2011-2012 г.*

Счёт для помощи Пермасскому Крестовоздвиженскому храму:

**Филиал ОАО «Сбербанк России»
Великоустюгское отделение №151
ИНН 7707083893, КПП 352631001, ОГРН 102770132195,
р/с 40703810512290000323,
транзитный счет 30301810512006001229
БИК 041909644, кор.счет 30101810900000000644
Вологодское отделение № 8638 г. Вологда**